Полночное солнце

Автор:
Триш Кук

Полночное солнце

Триш Кук

Азбука-бестселлер

У Кэти Прайс редкая болезнь, при которой малейшая доза ультрафиолетового облучения может оказаться смертельной. Выходить из дому в дневное время девушка не может, поэтому весь круг ее общения – это отец и единственная подруга. Кэти увлекается музыкой и мечтает о том, чтобы ее песни услышал весь мир.

В тот вечер, когда сверстники Кэти веселятся на выпускном балу, ее судьба совершает крутой поворот. Девушка с гитарой отправляется на опустевшую железнодорожную станцию, и там ее пение привлекает внимание Чарли Рида – молодого красавца-спортсмена, в которого она тайно влюблена вот уже несколько лет. Так сплетаются две судьбы, чтобы провести под звездами почти идеальное лето.

Щемящий сердце рассказ о любви, утрате и чудесном неповторимом лете в романе Триш Кук и в кинофильме с Беллой Торн и Патриком Шварценеггером в главных ролях!

Триш Кук

Полночное солнце

© М. Николенко, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

В диснеевских мультиках героиня всегда преодолевает серьезные препятствия, прежде чем находит своего принца, а потом они «живут долго и счастливо». Например, Рапунцель в «Запутанной истории», помните? Ее похищают и запирают в башне, а как сбежишь, если за тобой тянется коса длиной в семьдесят футов? Или возьмем Анну из «Холодного сердца». Ее родители погибли, и некому было помочь ей справиться с магической снежной силой. А русалочка Ариэль? Она мечтает превратиться в земную девушку, и мечта ее сбывается, но за пару ножек Ариэль расплачивается своим прекрасным голосом, а значит, не может ни поговорить с парнем, в которого влюблена, ни заворожить его песней. Плюс ко всему у нее проблемы с отцом: у того страшно испортился характер, с тех пор как маму убил пират.

Ну и у меня то же самое. Не совсем, конечно, но вроде того. Я нарочно вспомнила героинь мультиков, чтобы вам легче было представить мою ситуацию. Провела культурную аналогию. Думаете, я ботаник? Да, я люблю занятия по английскому, и вообще мне нравится учиться. А беда моя в том, что у меня редкое генетическое отклонение – пигментная ксеродерма, или ПК. Мой организм, по сути, не справляется с ущербом, который наносят ему ультрафиолетовые лучи. Если я выйду на солнце, это может обернуться раком кожи, потерей слуха или умственных способностей. Мне станет трудно глотать, ходить и вообще двигаться. Я могу потерять дар речи, забиться в припадке и даже умереть. Поэтому в светлое время суток я сижу дома, как Рапунцель в башне под тяжестью длиннющих волос. Рапунцель в конце концов становится невмоготу, и она сбегает с каким-то типом. Прекрасно ее понимаю.

К тому же я сирота, как и многие сказочные героини. Правда, отец, слава богу, жив. А мамы нет. Она погибла в автокатастрофе, когда мне было семь лет. Папа изо всех сил старается заменить мне ее. Не знаю, что бы я без него делала. Если

бы у меня были сверхспособности, остудила бы солнце и стала бы свободно передвигаться по миру. Думаю, я похожа на тебя, Анна.

Хотя нет, погодите-ка. Как и Ариэль, я люблю петь, но обстоятельства не позволяют мне делать это тогда, когда больше всего нужно или просит душа. По очевидной причине я не хожу в обычную школу, не могу записаться в хор или акапельную группу, не могу участвовать в ежегодных постановках мюзиклов. Сама я считаю, что у меня хороший голос. И папа тоже так думает. Но его послушать, так я все делаю просто потрясающе, лучше всех на свете. Он, конечно, необъективный критик, а за объективной оценкой мне обратиться не к кому. Правда, иногда я играю и пою на нашей маленькой железнодорожной станции, но в то время, когда мне можно выходить, там бывает пусто и темно, как в мертвом сердце морской ведьмы Урсулы. Поэтому я сама себе аккомпаниатор и сама себе слушатель. Откуда мне знать, есть у меня настоящий талант или нет?

В общем, я хочу сказать вот что. У меня, как и у сказочных принцесс, проблем хватает. Но я, как и они, буду верить и бороться. Тогда для меня тоже наступит счастливый финал. Может, моя жизнь окажется короче, чем у других, но это не значит, что она будет менее яркой.

Глава 2

Ну вот. Опять меня понесло. Из-за этой своей болтливости я порой попадаю в неприятные истории. Скоро сами увидите. Но расскажу все по порядку. Итак, привет! Меня зовут Кэти. Если бы вы заглянули снаружи ко мне в комнату… хотя на самом деле этого сделать нельзя, потому что у нас на всех стеклах специальное солнцезащитное покрытие, не пропускающее в дом ни капли ультрафиолета. Так вот, если бы вы могли ко мне заглянуть, я бы, наверное, показалась вам бедненькой больной девочкой, которая все время пялится в окно. Смотрит, как жизнь проходит мимо. Но я такая же, как другие люди. Просто на солнце выходить не могу.

Я играю на гитаре, пишу стихи, сочиняю музыку и сама балдею от того, как хорошо у меня получается петь в ванной. Интересуюсь астрономией, мечтаю стать астрофизиком. Терпеть не могу брюссельской капусты, люблю китайскую

кухню, обожаю мопсов: по-моему, они самые милые собачки в мире! Ужасно боюсь пауков. Мою лучшую подругу… Ладно, мою единственную подругу зовут Морган. Кроме нее и отца, я ни с кем по-настоящему не общаюсь. Она круче всех! Если не согласитесь с этим, ждите от нее пинка под зад.

Да! Еще я со страшной силой влюбилась в парня по имени Чарли. Он ходит в бассейн мимо моего окна, и я каждый день смотрю на него с тех самых пор, как мне поставили диагноз и заперли дома, – это случилось в первом классе. Чарли рос на моих глазах и с каждым годом становился все симпатичнее. Сейчас он заканчивает школу. Высокий, худощавый. У него чудесные волосы, он так небрежно встряхивает ими, а глаза… Глаза могут растопить айсберг быстрее глобального потепления. Только одно мне в нем не нравится: он не подозревает о моем существовании. Должно быть, это звучит слегка сопливо. Ну и пусть. Что тут поделаешь? У меня редкое заболевание, которое дико осложняет жизнь. Я не могу выйти утром на улицу и как бы случайно встретиться с Чарли, потому что тогда солнце зажарит меня до смерти. Мне позволительно немножко распустить нюни.

Кстати, сегодня я, может быть, сделаю то, о чем раньше и подумать не могла. Правда, пока не знаю как. Допустим, постучу в стекло, когда увижу Чарли, – главное, чтобы папа в этот момент на меня не смотрел. Предложу подняться в мою комнату – только бы папа не пошел следом. Ха! Мечтать не вредно… А потом я проведу рукой по чу?дным волосам Чарли. И поцелую его.

Ну да, да! Этого никогда не произойдет. Знаю. Но я, по крайней мере, могу смотреть ему вслед, пока он не скроется за деревом, которое выросло в таком неудачном месте. А когда появятся звезды, я попрошу у них всего самого хорошего для Чарли. Пусть он благополучно окончит школу и начнет новую увлекательную жизнь. Пусть исполнятся все его желания. Он этого заслуживает. Все мы этого заслуживаем. Я, увы, не получу того, чего хочу больше всего… то есть нормальной жизни у меня никогда не будет, и с этим придется смириться… но Чарли во всем должно повезти. Очень надеюсь.

Открываю ноутбук и включаю трансляцию выпускного, который мог быть моим, если бы все эти годы я не просидела на домашнем обучении. Школьный уровень я, конечно, уже переросла и даже успела набрать зачетных баллов не меньше, чем у студентки второго курса. Мне нравится учиться. К тому же в моем распоряжении гораздо больше времени, чем у других. И все-таки выпускной есть выпускной. Переломный момент в жизни большинства людей. Последнее ура

перед новым этапом. Ну а для меня перемен не предвидится. Все останется по-старому. Я, как и раньше, буду брать уроки онлайн и всячески избегать солнца, вместо того чтобы поехать в какой-нибудь сказочный университет, где должна была бы учиться. И все-таки я вздыхаю, прощаясь со школьными годами.

Директор называет имена, и ребята один за другим выходят на сцену, чтобы пожать ему руку. В другой руке у них новенькие аттестаты. Вот и Морган получила свой. Вместо того чтобы спуститься, она подходит к камере, встает в позу и одними губами произносит: «Видали, суки?!» Ее быстро возвращают в строй, но я уже успела расхохотаться до икоты.

С нетерпением жду, когда дойдут до буквы «Р». Ра… Ре… Рид! Наконец-то названо имя Чарли! Я уже предвкушаю, как вот-вот увижу его в мантии, красивого и торжественного. Представляю себе, как чудесные глаза посмотрят в объектив из-под четырехугольной шапочки. Но в эту самую секунду в комнату врывается мой отец.

– Кэти Прайс! – грохочет он.

На лице у него дурацкая улыбка, а в руке свернутый в трубочку лист. «Уф! Давай не сейчас, ладно?» – фыркнула бы на моем месте другая девчонка, но я только смеюсь. Ведь я понимаю: папа пытается сделать так, чтобы мне было весело и я не чувствовала себя отрезанной от сверстников. Как водится, он перестарался, но огорчать его мне не хочется. Не он же виноват, что я сижу на кровати, а не стою на сцене вместе с одноклассниками.

Хотя нет. В некотором смысле он виноват. И мама тоже. У них обоих был рецессивный мутировавший ген, из-за которого развилась моя болезнь. Но они не нарочно передали его мне.

– Чего это ты вырядился?

– Так положено всем преподавателям и выпускникам, – отвечает папа, подавая мне шляпу.

Я беру ее и надеваю. Отец протягивает мне от руки заполненный аттестат. Теперь я выпускница средней школы, прошедшая курс обучения на дому. В сноске даже указано, что мною набрано двадцать четыре вузовских зачетных

балла. Я улыбаюсь папе и жму его руку. В такие минуты я особенно ценю то, как хорошо он меня знает. Он понимает, насколько для меня важны успехи в учебе. Ведь приобретение знаний – это то немногое, в чем солнце не может мне помешать. И я хотела бы выделяться среди других умом, а не только болезнью, которая поражает одного человека из миллиона. Папе не нужно этого объяснять.

– Как лучшая ученица выпуска, вы, вероятно, подготовили прощальную речь? – спрашивает он.

Я поправляю на голове шляпу и думаю, что бы сказать по случаю этого дня, который, если честно, не такой уж и особенный.

– В первую очередь я бы хотела выразить признательность директору школы, – начинаю я.

– Не стоит благодарности, – говорит папа, и глаза его весело поблескивают.

– Спасибо преподавателю испанского языка…

– De nada[1 - Не за что (исп.). – Здесь и далее примеч. перев.]. – Отец дотрагивается до полей воображаемой шляпы.

– И преподавателю английского языка…

Папа делает легкий поклон:

– Учить вас было одно удовольствие!

– А еще я официально заявляю: учитель гимнастики не ведал, что творил.

Отец прижимает руку к сердцу:

– Нечестный ход! Я собирался вручить тебе это, но теперь…

Он машет у меня перед носом открыткой, а когда я пытаюсь ее схватить, отдергивает руку. Я пожимаю плечами, как будто мне ничуточки не интересно. Он признает поражение и, бросив конверт мне на колени, плюхается рядом со мной на кровать. Я достаю огромную открытку с банальной мультяшной звездочкой в шляпе выпускника. Цветистая надпись, сделанная тем шрифтом, который используют в комиксах, гласит: «На STARт взрослой жизни!» Я закатываю глаза:

– Никогда не видела более дурацкой открытки!

– Знаю, – кивает отец без улыбки. – Три магазина обошел, чтобы найти такую. Готова получить подарок?

Это неожиданность! Я хлопаю себя ладонью по рту и, не убирая пальцев, спрашиваю:

– Какой?

Отец вскакивает и выбегает в коридор, а через секунду возвращается с потертым гитарным футляром, к которому прилеплен красный бантик. Внутри самый замечательный инструмент из всех, какие я когда-нибудь видела. Корпус, темный по краям и светлый в центре, украшен перламутровым орнаментом. Я беру гитару и легко провожу рукой по гладкой поверхности, пока пальцы не натыкаются на маленькую неровность. Оказывается, это инициалы: «Т. Дж. П.».

– Мамина? – спрашиваю я, расширив глаза.

Папа кивает:

– Та, детская, уже маловата для тебя. – Он показывает в угол, где висит гитарка, на которой я играю, сколько себя помню. – Но эта, конечно, старая. Если хочешь поновее…

Я покачала головой, не дав ему закончить. Чушь какая-то. Мамина гитара – все равно что частичка ее самой, которая теперь всегда будет со мной. Мне показалось, что брешь, оставленная маминой смертью в моем сердце, стала чуть-чуть меньше. Хотя полностью она, наверное, никогда не зарастет.

– Какая красивая… Спасибо!

Папа обнимает меня, я обнимаю его. Несколько секунд мы сидим, прижавшись друг к другу, и оба чуть не плачем. Наконец я высвобождаюсь. Воцаряется неловкое молчание.

– Ну ладно… Постарайся уснуть, – говорит отец, целуя меня в лоб. – Я горжусь тобой, Орешек.

Еще совсем светло, но тому, кто может выходить на улицу только ночью, имеет смысл спать днем. Я не жалуюсь: большинство моих ровесников мечтают о таком распорядке. Я это точно знаю, ведь очень многие подростки выходят в Интернет именно в ночные часы, и совсем не потому, что у них такая же проблема, как у меня.

Гуляя в «Фейсбуке», «Снэпчате», «Инстаграме» и блогах, я вижу: ребята моего возраста стараются жить так, чтобы ничего не пропускать. Они боятся оказаться в стороне. Ну а я иногда думаю, что можно бы познакомиться с кем-нибудь, если у нас на первый взгляд много общего. Иногда добавляю комментарии. Но сама никогда ничего не выкладываю и никому не посылаю личных сообщений. Будет ужасно неловко и обидно, если человек, с которым я связалась, отреагирует на мою болезнь так же, как дети в начальной школе.

Хуже всех была девочка по имени Зои Кармайкл. Когда мне поставили диагноз, она пустила слух, что я вампир. Ну и началось. Меня все стали бояться, приклеили мне кличку Кровопийца. Никто, кроме лучшей подруги Морган, больше не разговаривал со мной. Потом мы с папой начали выезжать в соседние города, чтобы посмотреть кино и поесть мороженого. Там не нужно было терпеть таких, как Зои, которая показывала на меня пальцем, если вечером мы отваживались выйти на прогулку. Эта традиция сохранилась до сих пор, так что можете представить, какие неизгладимые впечатления я тогда получила.

Вот почему я предпочитаю все знакомое и не ищу новых друзей. Не хочу подпускать к себе тех, кто будет надо мной издеваться. Сегодняшний день не исключение. Вместо того чтобы погрузиться в мир, в котором активно живут мои сверстники, я засыпаю в обнимку со своей чудесной старой новой гитарой.

Мой «ночной» сон прерывает шум за окном: машины гудят, девчонки и парни гикают, все веселятся. В этом могла бы участвовать и я, если бы у Морган были хорошие отношения с кем-нибудь из класса. А она ни с кем не дружит. Особенно плохо они ладят с Зои, с чьей легкой руки меня прозвали Кровопийцей. Морган говорит про нее: «Она все такая же стерва с поганым языком. Удивляюсь, как она до сих пор не схлопотала по своей противной физиономии. При ее-то загрязненной карме!» Ну так вот. Если моя подруга сегодня ни к кому не идет праздновать, то и я не иду.

Вот как выглядела бы вечеринка без Морган:

Зои. Ты кто такая?

Я. Я… Э-э-э…

Подпевала Зои. Ты здесь вообще училась?

Я. Так вышло, что… училась я дома… Такие обстоятельства… Но если бы не они, я бы сегодня тоже была на выпускном в этой школе.

Зои (пристально меня разглядывает). Погоди. Я вспомнила. Ты Кровопийца, верно?

Подпевала Зои вопит как резаная. Потом воцаряется тишина. Все хватаются за шеи, пытаясь защититься от моего укуса. Я смываюсь домой, чтобы в папиной компании заесть обиду ужином из китайского ресторана.

Как видите, без Морган мне идти нельзя. А она уперлась и бубнит: «На кой мне сдались эти фифы и мажоры! Видеть их не хочу! Особенно язву Зои Кармайкл». И все-таки мне кажется, что хорошо было бы отпраздновать окончание школы вместе со всем классом. От Зои и ее компании мы бы просто держались подальше. Есть ведь, наверное, и неплохие ребята. По крайней мере, должны быть. Хотя бы несколько. Разве не так?

Вот как выглядела бы вечеринка с Морган:

Зои. Ты кто такая?

Я. Я… Э-э-э…

Морган. Моя лучшая подруга. И потрясная девчонка, какой тебе никогда не стать.

Подпевала Зои. Она здесь вообще училась?

Я. Так вышло, что…

Морган (закрывает мне рот рукой). Ты сама-то в школе появлялась раз в месяц, еле-еле аттестат получила! Молчала бы лучше!

Зои (пристально меня разглядывает). Погоди. Я вспомнила. Ты Кровопийца, верно?

Морган (раньше, чем я успеваю что-нибудь произнести в свою защиту). Совершенно верно. Еще одно слово – и ты зомби.

Мы идем играть в пиво-понг, я встречаю Чарли Рида, между нами вспыхивает бешеная любовь. А папа даже не подозревает, что я пошла на вечеринку, вместо того чтобы сидеть дома у Морган и смотреть фильм, как собиралась.

Вздохнув, я сбрасываю с себя одеяло. Мой взгляд падает на гитару, и я решаю пойти на станцию. Попробовать сыграть несколько новых песен. Буду петь одна. Сама для себя. Осталось только папу уговорить, чтобы разрешил.

Надеюсь, он понимает, как мне сейчас нужна свобода. Годами отец водил меня туда, куда дети обычно ходят с друзьями: в кино, в торговый центр, в боулинг, в кафе есть йогуртовое мороженое. Все это только доказывает, что моя болезнь сделала меня очень стремной. Конечно, папа из кожи вон лезет, чтобы я жила нормально, и я ему благодарна, и все-таки, как бы он ни старался, моя жизнь ненормальна и никогда нормальной не будет. Даже если он оставляет меня в кинозале одну, чтобы я его не стеснялась, а сам идет на другой фильм, ничего от этого не меняется. Кто в моем возрасте будет смотреть кино без компании? Правильно, только суперстремный лузер или я. Для большинства окружающих

это одно и то же. Но сегодня я хочу быть просто Кэти – обычной девчонкой, которая не страдает редким заболеванием и за которой беспокойный отец не ходит как хвост.

Кое-как собрав волосы в пучок, я беру гитару и спускаюсь по лестнице. Заглядываю в отцовскую каморку. Пусто. Заглядываю на кухню: может, папа решил перекусить. Нет, и там никого. Осталось только одно место. Я спускаюсь в подвал. Из щели под дверью папиной фотолаборатории сочится свет. Я стучу.

– Входи! – отвечает папа.

Я перешагиваю порог, и в нос мне ударяет сладковато-горький запах. Стены лаборатории увешаны снимками для журнальных обложек, которые отец сделал в разных экзотических местах. Вот улица в индийских трущобах, вот айсберг, вырастающий из бурного серого моря, вот жираф бродит один по пустынной саванне. Эти фотографии – привет из прежней папиной жизни. Я горжусь тем, чем он раньше занимался, и мне жаль, что из-за моего «состояния» мы не можем больше путешествовать и он впустую тратит свой талант, сидя в нашем вшивом городишке.

На бельевой веревке висят новые снимки. Несколько пейзажей и куча моих портретов. На одних я выгляжу естественно, для других папа уговорил меня позировать. Вот последняя фотография, сегодняшняя: я играю на маминой гитаре. На остальных снимках я себе не нравлюсь, но здесь, по-моему, я получилась хорошо.

– Вот эта удачная, – говорю я.

Папа указывает на мое лицо, склоненное над великолепным инструментом:

– Только девчонка тут какая-то странноватая.

Я шутливо тычу его кулаком в плечо, он, смеясь, увертывается. Хорошо, что отец сейчас немного расслабился: проще будет уговорить его, чтобы отпустил меня одну и не увязывался следом. Разве можно получить правдивый отклик на свои песни, когда рядом стоит папочка?

– Такую прекрасную модель трудно снять неудачно, – произносит отец.

Я подхожу, чтобы поглядеть на свою любимую фотографию: пакистанские девочки в школьной форме стоят перед обшарпанным зданием.

– Вот где действительно прекрасная натура, – говорю я, оборачиваясь. – Тебе, наверное, не хватает всего этого…

– Бесконечных командировок? – фыркает папа. – Это было сплошным мучением.

Когда он возится в своей лаборатории, его движения легки и красивы. Можно подумать, что нет ничего проще, чем делать и проявлять такие потрясающие снимки. Но я-то знаю правду: если бы он не был трудягой, не стал бы одним из самых востребованных фотографов в мире. На лице у меня написано: «Брось! Ты же знаешь, что я все равно не поверю!» Папа это замечает и, кивнув на фотографию, перед которой я стою, продолжает гнуть свое:

– Я серьезно. Там, в Пакистане, у меня украли багаж, и я целую неделю ходил в одном и том же. Ночевал у своего гида на полу – без матраса, без одеяла. От холода не мог заснуть. Просто лежал и ждал, когда встанет солнце.

Что бы он ни говорил, я вижу, как светятся его глаза. Естественно, он скучает по той жизни. Любой на его месте скучал бы. Я бы все отдала, чтобы иметь возможность поехать куда захочу и увидеть то, чего на самом деле никогда не увижу. А хуже всего, что и папа из-за меня вынужден отказываться от своей мечты.

– Мне гораздо больше нравится ночью спать в собственной постели, а днем учить молодых паршивцев не бояться грязи.

– Ну ты и врун!

Папа смотрит на меня так, будто маска никогда не унывающего оптимиста, которую он носит ради меня, вот-вот спадет. Но нет, он вовремя берет себя в руки. Да уж, открывать эту банку с червями не имеет смысла, ничего хорошего оттуда не выудишь, и все-таки я хочу когда-нибудь открыто поговорить с папой о том, как моя ПК изменила почти все в нашей жизни. И не в лучшую сторону.

– Что-то случилось? – спрашивает он.

Я делаю глубокий вздох и быстро все выкладываю. Чем труднее ему будет вставить слово, тем меньше вероятность, что он скажет «нет». Мой вопрос: «Я тут подумала… Не отпустишь ли ты меня на станцию опробовать мой выпускной подарок?» – прозвучал так: «Ятутподумаланеотпустишьлитыменянастанциюопробоватьмойвыпускнойподарок?» В заключение я прибавила широкую улыбку, которая означала: «Я уже не школьница, я самостоятельна и уверена в себе. Вполне могу сама пройти полмили до станции, чтобы сыграть несколько песен для тех, кто задержался на работе. Может, и народу совсем не будет, разве что Фред, которого ты знаешь с детства. Поэтому не беспокойся за меня, все будет хорошо, обещаю. Только, пожалуйста, не говори, что тоже пойдешь!»

Папино лицо опадает, как испорченное суфле. Он постукивает пальцем по часам. Видимо, мы с ним за последние годы слишком много пересмотрели ужастиков и это не обошлось без последствий для его психики. Уж и не знаю, какие такие страшные опасности он себе воображает, но вообще-то у нас в городишке преступность почти нулевая. Со мной ничего не может случиться, но папа не хочет этого признавать и ищет какой-нибудь предлог, чтобы отказать мне.

– Уже десять. Может, Морган составит тебе компанию? Или поиграешь здесь, для меня?

Выступать перед своим самым большим фанатом – это, конечно, здорово. Какую бы песню я ни спела, реакция одна и та же: «В жизни ничего подобного не слышал!» Или: «Первая строчка хит-парада!» Но мне хочется иметь больше одного слушателя, и желательно, чтобы аудитория не была заранее убеждена в том, что я новая Тейлор Свифт, только намного лучше. А еще я, честно говоря, с удовольствием отдохнула бы от дома и от самого папы, хотя понимаю, на какие жертвы он ради меня идет, и ценю это. Я люблю его так же сильно, как он меня. Просто жить в четырех стенах тяжело, и мне надо снять напряжение.

ПК научила меня быть терпеливой, и я знаю, что идти напролом нельзя: с папой эта тактика не прокатит. Зато на него действуют хорошо продуманные логические аргументы.

– Морган сейчас с родителями, – отвечаю я таким милым тоном, на какой только способна. – Играть для тебя я обожаю, но мне же надо расширять аудиторию! А то на моей страничке всего три «лайка»: твой, доктора Флеминг и Морган. Пора и еще кому-нибудь меня увидеть. И это ведь не по-американски – отказывать человеку, окончившему школу, в свободе передвижения!

Отец молчит. Колеблется. Сейчас возьмет ключи и скажет, что только довезет меня до станции. А потом начнется: «Ну дай я послушаю всего одну песню…» Так он и будет торчать все время рядом. Нужно как-то предотвратить такое развитие событий.

– Там будет Фред, он за мной присмотрит, – продолжаю я. – К тому же, если тебе не хотелось, чтобы я играла, зачем ты подарил мне такую прекрасную гитару в таком роскошном футляре? Он как будто специально создан для четвертаков и долларовых бумажек, которые в него полетят!

Отец хмурится. Ясное дело: хочет меня защитить. Даже чуть перегибает со своей опекой. И я знаю, я понимаю почему. Тем не менее он иногда меня бесит. Терпеть не могу, когда на меня смотрят как на хрупкое существо, которое может упасть замертво, едва выйдет из дому. Слава богу, папа хочет, чтобы я была не только жива, но и счастлива, и потому надеюсь склонить чашу весов в свою пользу.

– Ну ладно, – сдается отец, – комендантский час переносится. Но в двенадцать…

– Спасибо! – взвизгиваю я, пока он не передумал. – Спасибо, спасибо! Ты лучший папа на свете! Спасибо!

Далее следует инструктаж. К этому я уже привыкла: отец перечисляет правила, которые я должна соблюдать во время своего сольного выхода в мир, а я с серьезным видом киваю, хотя и не слушаю. Нет необходимости, ведь папа всегда говорит одно и то же:

– Каждый час жду от тебя эсэмэску. Не пришлешь – я не просто Фреду позвоню, а приеду сам и такую сцену устрою! Весь город будет детям рассказывать, чтобы неповадно было по ночам гулять!

Я хватаю гитару и направляюсь к двери, пока мне на руку не нацепили маячок.

– Каждый час, Кэти! – кричит папа мне вслед.

Я оглядываюсь через плечо и широко улыбаюсь:

– Люблю тебя!

С этими словами я выхожу из дому. Легкие наполняются прохладным ночным воздухом. Я выдыхаю и, подняв голову, гляжу на звезды. Они подмигивают мне, как будто знают: должно произойти что-то волшебное. Папа смотрит на меня с порога:

– А я тебя люблю еще больше!

– Это невозможно! – отвечаю я и ускоряю шаг.

Глава 3

Фреда я нахожу там же, где и всегда, – в маленькой конторе за окошком билетной кассы. Он один из самых старых папиных друзей: старых и в смысле продолжительности знакомства, и в смысле возраста. Их родители жили по соседству, и Фреда иногда приглашали присмотреть за моим папой, когда тот был малышом.

– Эй, Фред! – кричу я и машу рукой перед стеклом.

Он поднимает голову. Копна седых волос серебрится в лунном свете.

– Выпускница! А я все думал, придешь ты сегодня или нет?

– Разве могу я разочаровать моих поклонников? – отвечаю я, указывая на пустую платформу.

Фред слышит эту шутку уже не первый год, но все равно смеется. Потом замечает мой потрясающий старый новый инструмент, так не похожий на прежнюю детскую гитарку, и его выразительное лицо буквально расплывается от восторга и удивления, превращаясь в смайлик с глазами-сердечками.

– Новая?

Я гордо киваю, поглаживая футляр. Потом выбираю место на платформе, прошу у самой яркой звезды, чтобы в этот вечер со мной наконец-то произошло какое-нибудь чудо, и, достав гитару, запеваю одну из своих новых песен – задушевную композицию, которая называется «В ожидании солнца». В это время с поезда сходят два усталых полусонных пассажира: парень, видимо пьяный, который чуть было не падает на меня, и женщина в красном, как сигнал светофора, брючном костюме. Эта точно трезвая. Торопливо проходит мимо, стараясь не смотреть в мою сторону.

Следующие полчаса станция пустует. А я все пою и играю, как будто у меня концерт в Карнеги-холле. Наконец к платформе подкатывает следующий поезд. Выходит девушка, которая, как мне кажется, может быть одной из многочисленных подружек Зои. С любопытством меня оглядев, она бросает в мой футляр полупустую пачку «Скиттлз».

– Большое спасибо! – кричу я ей вслед.

Она оборачивается и только слегка пожимает плечами, но сколько презрения ей удается выразить! Ну и плевать. Я не из тех, кто бросает начатое. Запеваю следующую песню собственного сочинения.

На лестнице появляется какой-то хипстер лет тридцати или старше, с бородой, как у дровосека. Жертвует мне несколько монеток. Этого недостаточно, чтобы оплатить парковку, но я, к счастью, пришла пешком. Папа говорит, я «еще не готова» сама водить машину. Неужели боится, что я сяду за руль и сразу помчусь навстречу закату? Не знаю, может, я и сбежала бы, как Рапунцель, да некуда. Поэтому ругаться с отцом из-за водительских прав смысла нет.

Я уже начинаю думать, что вечер выдался самый обыкновенный – такой, когда время еле ползет, – и вдруг замечаю маленького мальчика с ангельским личиком. Он тянет маму за руку, и оба останавливаются прямо передо мной.

Ребенку явно пора спать, но моя песня его как будто заворожила. Он не шелохнувшись слушает ее до конца, а потом изо всех сил хлопает в ладошки.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я, когда аплодисменты стихают.

Жаль, что он еще маленький и не может зарегистрироваться на «Фейсбуке». А то у меня наверняка появился бы четвертый официальный фанат.

– Томми, – отвечает малыш. – Я еду ночным поездом.

– Это здорово, – говорю я.

Он сжимает пухлые кулачки и упирает их в бока:

– А ты тоже поедешь?

Я улыбаюсь и качаю головой:

– Нет. Я просто здесь играю.

– А почему так поздно?

Нельзя не признать: вопрос логичный. В утренний час пик и тех, кто не обратил бы на меня особого внимания, и тех, кто кинул бы мне полпачки драже, было бы гораздо больше. Соображает мальчик. Я решаю сказать ему правду.

– Мне нельзя выходить на солнце.

Томми оценивающе прищуривается и быстро приходит к тому выводу, который сделали все дети вокруг меня, когда я была в его возрасте:

– Ты вампирка?

Я смеюсь. Превращение в вампира, пожалуй, многое бы для меня упростило. Ожидаемая продолжительность моей жизни возросла бы на несколько веков, и я не испытывала бы огромного напряжения из-за того, что должна успеть сделать

нечто мощное и потрясающее, чтобы доказать сам факт своего недолгого существования.

– К сожалению, нет. Хотя было бы прикольно. У меня что-то вроде очень сильной аллергии.

Мальчик кивает:

– У меня аллергия на клубнику. Сыпь. И нос сопливится.

– Это паршиво, – говорю я, поднимая глаза на мать ребенка.

Может, ей не нравится, что я грубовато выражаюсь? Но нет, ложная тревога: она что-то строчит у себя в телефоне и, скорее всего, не слышала моих слов.

– А что будет, если ты выйдешь на солнце? – спрашивает Томми.

Я морщусь и пожимаю плечами. Конечно, ни к чему ребенку знать, что ультрафиолетовые лучи могут меня обуглить. Пугать его лекцией о раке кожи я тоже не собираюсь. Поэтому отвечаю расплывчато:

– Будет кое-что похуже сыпи.

Томми опять кивает. Похоже, я его впечатлила. Ну да, он ведь еще ничего в жизни не видел.

– А знаешь, – говорю ему я, – у меня есть песенка про тебя и твою аллергию.

Он удивленно раскрывает рот, а я начинаю импровизировать:

– Мы с Томми друзья, у него аллерги-и-и-ия! Когда он ест клубнику, его носик чешется дико! А мне целый день нельзя выходить из дому. Как хорошо, что мы дружим с Томом!

Мальчик хохочет.

– Нравится? Погоди, ты еще припев не слышал. – И я затягиваю: – Ду-да-ду-да-дия! Ду-да-ду-да-дия! У нас с Томми аллергия!

Когда мама его уводит, он улыбается мне во весь рот. На прощание оборачивается и машет, все с той же улыбкой. Этот маленький чувачок наверняка был моим первым и последним слушателем сегодня. Больше уже точно не от кого ждать внимания. Значит, пора «обкатать» мою самую последнюю песню: я проверю, не нужно ли что-нибудь поменять, а если собьюсь, никто не услышит.

Достаю свой видавший виды блокнот, густо исписанный текстами песен. Это мой лучший друг после Морган. Открыв страницу, на которой нацарапан новейший шедевр, я делаю глубокий вздох и начинаю петь. Поется так хорошо, так легко, что на какое-то время я совершенно обо всем забываю. Из-за своей чертовой болезни я торчу здесь одна, а не веселюсь на обалденном выпускном вечере – ну и пусть. Сейчас все это для меня не имеет значения.

Когда я отрываю взгляд от струн своей гитары, мне кажется, что наступил апокалипсис: мир навсегда изменился. Прямо перед собой я вижу Чарли Рида. Он смотрит на меня с интересом. Слушает песню, которую я, откровенно говоря, сочиняла, думая о нем. Меня совершенно переклинивает, и я скрипучим голосом произношу:

– О господи!

– Привет! – говорит Чарли, смеясь над моим замешательством.

Привет… Может, это и не слишком оригинальное начало, ну да какая разница! Я до сих пор не могу прийти в себя оттого, что передо мной действительно стоит он – тот, за кем я так долго наблюдала издалека. Сердце бешено колотится – лишь бы не потерять сознание. Вскочив, я пытаюсь запихнуть гитару в футляр. Пачка драже вываливается на пол. «Скорее бежать отсюда!» – думаю я. У меня так мало жизненного опыта, что я совершенно не представляю, как разговаривать с самым классным парнем на планете. Да и вообще с любым парнем, красивым или страшненьким, если он старше Томми – моего фаната номер один. С Чарли Ридом я поболтаю в другой раз, когда у меня не будет такой паники.

– Не хотел тебя напугать, – говорит он, поднимая конфеты и протягивая их мне.

Наши пальцы соприкасаются. По моей руке разливается щекочущее тепло. Когда адреналин, подстегивающий меня к безоглядному бегству, немного понижается и в мозгу перестает стучать, я понимаю, что нужно успокоиться.

– Что? Э-э-э… Да нет… Напугать? Я не пугливая… То есть вовсе непуганая…

Трудно сказать, на каком языке я забормотала, но точно не на английском. Совсем не так я представляла нашу с Чарли встречу. Полнейший облом! Все-таки надо уйти: это логично, хотя… Мне наконец-то выпала возможность познакомиться с парнем, которого я десять лет пожирала глазами, и теперь я отказываюсь с ним говорить. Тактика – просто супер!

К моему ужасу, Чарли идет за мной.

– Ты куда?

– Домой. Мне пора.

Это правда. Папа, наверное, уже определил местоположение моего айфона и не сводит глаз с маленькой точечки, обозначающей меня. Может, он следит за мной с того самого момента, как я пришла на станцию. Или вообще попросил Фреда транслировать мой «концерт» в «Фейсбуке». С него станется!

Чарли с любопытством меня разглядывает, слегка склонив голову набок. Он похож на самого очаровательного щенка в мире. Даже еще очаровательнее, чем милейший из мопсов. Вот уж не думала, что такое возможно!

– Где ты живешь? – спрашивает он. – В нашей школе я тебя не видел.

У меня все никак не получается защелкнуть застежку на футляре. Если я произвела на Чарли неудачное первое впечатление, то второе и третье будут еще хуже. Надо поскорее убраться.

– Не-не-не-не… Я ходила в другую, – бормочу я (вы уже знаете, что у меня есть такая плохая привычка). – Сегодня выпускной, а папа вечно переживает из-за

меня, ну и…

Наконец-то гитарный футляр закрыт. Ухожу сейчас же. Может, мы еще встретимся с Чарли как-нибудь в другой раз. К тому времени он уже забудет, как нелепо я вела себя сегодня. Начнем все сначала, и дело обойдется без жалкого блеяния с моей стороны.

Но вдруг застежка опять раскрывается, и мой замечательный подарок к выпускному падает на землю! Мамина гитара вот-вот разлетится на мелкие обломки! В последнюю секунду Чарли подхватывает инструмент, аккуратно кладет на место и надежно застегивает футляр. Потом во второй раз подбирает и подает мне «Скиттлз».

При этом он так смотрит на меня, что я утрачиваю твердое агрегатное состояние и превращаюсь в лужицу, которую осталось только вытереть с перрона. Если бы все это происходило в кино, мы бы сейчас обязательно поцеловались, а вокруг начали бы вспыхивать фейерверки. Но кино и жизнь – разные вещи. Поэтому Чарли просто говорит:

– А… у меня тоже был выпускной сегодня.

Я вовремя удерживаюсь от ответа: «Знаю! Я наблюдала за тобой, сидя за ноутбуком в своей комнате со странными затемненными окнами». Но то, что я говорю вместо этого, еще ужаснее:

– Тогда на старт взрослой жизни! – Через секунду я, скорчив гримасу, прибавляю: – О боже!..

– Никогда не слышал более дурацкого пожелания! – смеется Чарли.

Теперь уже точно надо уматывать. Без вариантов.

– Я дура и есть.

– Куда ты так торопишься? – спрашивает Чарли, не отставая от меня.

Говорю первое, что приходит в голову:

– К своему коту.

Никакого кота у меня, конечно же, нет и не было. Если бы отец разрешил, я завела бы песика. Мопса. И назвала бы Мистер Макмопсон. Но папа считает, что жестоко на целый день запирать собачку в четырех стенах. Он боится, что я начну выходить с ней из дому и поджарюсь на солнце. Тупиковая ситуация.

– К коту, – повторяет Чарли и улыбается так, словно видит меня насквозь.

– Да, – выпаливаю я, будто совершенно не стесняясь того, что несу дичь. – Он… умер.

Чарли трогательно хмурит брови. Я его озадачила.

– Ну тогда тебе некуда спешить, – произносит он.

– Нет, мне нужно… организовать похороны… кота, который умер.

Я безнадежна. Поняв это, предпринимаю новую попытку бегства. Иначе можно брякнуть что-нибудь еще глупее прежнего. Теперь я, кажется, действительно избавилась от парня моей мечты.

– Погоди! Как тебя зовут? – кричит он мне вслед.

Я не отвечаю. Если он узнает мое имя, я уже не смогу отрицать, что Кэти Прайс и есть та сумасшедшая, которая при первой встрече несла какую-то чушь о смерти никогда не существовавшего кота. Шагаю не оборачиваясь.

Благополучно вернувшись домой, я вру папе про оглушительный успех моего концерта, ложусь в постель, уютно устраиваюсь под одеялом и только теперь начинаю ужасно жалеть о том, как все получилось. Мне выпала такая возможность познакомиться с Чарли Ридом, а я спустила ее в унитаз! Это был самый нелепый вечер в моей жизни!

Глава 4

На следующий день перед пробежкой Морган заходит ко мне, чтобы узнать подробности сенсации, пока я не легла спать. Я уже написала ей в общих чертах, как прошла моя встреча с Чарли. Даже вкратце писать об этом было стыдно. Но Морган настаивала на доскональном пересказе, желая услышать эту ужасную историю непосредственно из уст хозяйки покойного кота.

– Кот?! – взвизгивает она, глядя на меня расширенными глазами.

Я со стоном накрываю голову подушкой. Может, надо просто зарыться поглубже и лежать тихо, а когда я проснусь, окажется, что все это был только страшный сон?

– Кошачьи похороны! – фыркает Морган и принимается так хохотать, что чуть не падает с крутящегося стула.

– Обязательно вслух повторять?! – кричу я из-под своей подушки.

Если подруга не перестанет мусолить все те глупости, которые я наговорила, я точно не сумею убедить себя в том, что все это мне приснилось.

Морган встает, подходит к кровати и плюхается рядом со мной. Я не вижу ее, но чувствую, как матрас сотрясается от смеха. Она кладет руку мне на плечо:

– Все нормально, Кэти. Я где-то слышала, что смерть домашних животных многих возбуждает.

Открываю лицо, сажусь и спрашиваю:

– Как я должна была ему ответить?

– Как угодно. Буквально любым другим сочетанием английских слов.

Я не спорю: история про кота дебильная. Но по-моему, это был все же не худший вариант ответа.

– Любым? «Привет, я Кэти. Я каждый день наблюдаю за тобой из окна вот уже десять лет». Так, что ли, надо было сказать?

– Ну прямо с этого я бы начинать не стала…

– Или, может быть, так? – продолжаю я, скрестив руки и в упор глядя на подругу, – «Мы с тобой учились вместе в начальной школе. Тогда все звали меня Кровопийцей».

Морган закатывает глаза:

– Все давно про это забыли.

Вздохнув, ударяю кулаком по подушке.

– Я всегда мечтала поговорить с ним, увидеть его близко, не из окна. И вот, когда все сбылось, мое тело превратилось в деревяшку. Оно меня предало. Ты предала меня! – кричу я, с отвращением оглядывая себя.

– В следующий раз все исправишь, – утешает меня Морган.

Ее голос стал мягче, она уже не смеется надо мной. Она знает, как много для меня значила прошлая ночь и как мне фигово, оттого что я все испортила. Я поднимаю глаза:

– Ты читала мою запись в «Твиттере»?

Я имею в виду ту, что сделала ночью, когда вернулась: «Уф!.. Больше я из дому ни ногой. Серьезно».

– Кэти, на самом деле все это к лучшему. Вот увидишь. Теперь ты знаешь, что выходить из дому и встречаться со сверстниками дело обычное. Не все вокруг тебя сволочи. И ты очень даже можешь нравиться людям. Даже если пытаешься впарить самому сексуальному парню в школе какую-то лабуду про мертвого кота.

– Не напоминай! – говорю я, ударяя себя ладонью по лбу. Кажется, вот-вот расплачусь. – Кроме прочего, последняя ночь показала, что за годы сидения взаперти я совершенно разучилась общаться с людьми. Больше я не собираюсь так позориться.

Морган треплет меня по колену:

– Ну да, ты немножко заржавела. Тем более тебе надо пойти туда опять. Кто знает, какие увлекательные приключения тебя ждут в следующий раз?

– Следующего раза не будет, – угрюмо бормочу я. – По крайней мере, не с Чарли.

– Откуда такая уверенность? – начинает Морган, собираясь вывалить на меня кучу надуманных аргументов, неубедительно доказывающих, что в будущем у меня все получится.

Я останавливаю ее:

– Один раз попыталась, и хватит. Больше я его не увижу. В этом сомневаться не приходится, потому что из дому я теперь и носа не высуну. Пускай папа вздохнет с облегчением.

– Перестань. Ты ведь несерьезно.

Я скрещиваю руки на груди:

– Серьезнее некуда.

Тут Морган вдруг замолкает. Вместо того чтобы дальше бубнить, что у меня все еще получится (и с мальчиками, и в жизни вообще), она утыкается в свой телефон и через несколько секунд у нее отвисает челюсть, а глаза становятся огромными, как два блюдца:

– Ты проверяла колонку Гэбби?

Сердце включает высшую передачу. Уже довольно давно я написала нашему любимому психологу в рубрику «Дорогая Гэбби…», но отослать письмо все не

решалась. Отправила несколько недель назад, когда чувствовала себя особенно слабой и одинокой и от этого мне не спалось. Получить ответ я, честно говоря, не рассчитывала, потому-то и растерялась теперь. Мои мысли, высказанные так откровенно, даже шокирующе, опубликованы на общедоступном форуме, и любой может их прочитать! Прямо не знаю, как реагировать… Попробую все отрицать.

– Нет, – бормочу я, с трудом сдерживая желание вырвать из рук Морган телефон, чтобы поскорее оценить масштаб бедствия, – колонку Гэбби я в последнее время не читаю.

Морган, скривив рот, награждает меня самым нахальным взглядом из своего арсенала:

– Хочешь сказать, что это письмо написала не ты, а какая-то другая девчонка, у которой тоже ПК и которая выражается точь-в-точь твоими словами?

Стараясь не смотреть подруге в глаза, я начинаю сосредоточенно обирать катышки со своего детского одеяльца.

– Ладно. Допустим, это не ты, – говорит Морган и начинает вслух читать то, что я знаю наизусть.

Сердце бьется о ребра, как будто хочет выскочить из груди, убежать и не слышать всего этого.

Дорогая Гэбби!

Начну с плохой новости: у меня опасная болезнь – пигментная ксеродерма. Это значит, что я не переношу ультрафиолетовых лучей. Теперь хорошая новость: не считая того, что день и ночь у меня поменялись местами (выходить на солнце мне нельзя, а гулять под звездами можно), я могу вести вполне нормальную жизнь. Увлекаюсь музыкой, общаюсь с подружкой, учусь (недавно окончила школьный курс с максимальным средним баллом и теперь занимаюсь по программе колледжа), а еще у меня лучший в мире папа.

Только одного мне не хватает. Как и все другие люди, я мечтаю встретить кого-то особенного, с кем меня будет связывать глубокое волшебное чувство. Но вампиры, которые родились несколько веков назад, для меня староваты, а какой парень, кроме них, согласится разделить со мной мой образ жизни? Не говоря уж о том, что я никогда не смогу провести с ним каникулы на море.

Несмотря на все эти обстоятельства, есть человек, которого я хотела бы узнать поближе. Мы никогда не встречались, но я с детства наблюдаю за ним из окна. По-моему, он добрый и веселый. И ужасно симпатичный. Только вот о моем существовании даже не подозревает.

Гэбби, скажите прямо: я должна выкинуть из головы мысли о любви вообще и об этом парне в частности? Или имеет смысл как-то привлечь его внимание и надеяться, что он с пониманием отнесется к моей болезни?

Загорающая под звездами

Морган отрывает взгляд от телефона. Я, покраснев до корней волос, яростно мотаю головой:

– Нет-нет-нет-нет! Это не я!

– Значит, ответ Гэбби ты услышать не хочешь? – спрашивает Морган, и на ее губах играет легкая улыбка.

Я все еще пытаюсь себя не выдать:

– Ну если ты думаешь, что мне это может быть полезно, то читай. Если хочешь, конечно.

Морган ухмыляется:

– Ты будешь недовольна, но мой тебе совет на сто процентов совпадает с советом Гэбби. Хотя она, разумеется, имеет в виду не тебя, а другую девчонку с ПК, которая живет параллельной жизнью с тобой. Короче, ты должна… пардон, та девушка должна опять пойти на станцию и еще раз попробовать завязать

знакомство с Чарли.

– Не могла Гэбби такого сказать! – кричу я, выхватывая у Морган телефон.

Она отдает мне его, и я читаю:

Дорогая Загорающая под звездами!

У меня есть друг родом из Нью-Джерси, который однажды сказал мне: «У каждого свой сэндвич с дерьмом». Однако некоторые предпочитают это отрицать. Поверь, когда я говорю, что к началу отношений все приходят с собственным багажом, я имею в виду всех без исключения. У кого депрессия, у кого болезнь, у кого долги, у кого сомнения – всего не перечислишь. У тебя есть клетки, неспособные воспринимать солнечный свет. Ну и что? Чем твой сэндвич с дерьмом хуже тех, которые достались другим? Очень многие мои молодые знакомые обожают бодрствовать всю ночь, а потом весь день спать. Ты ведешь такой образ жизни не по собственному желанию, но это не делает тебя саму менее желанной. Став постарше, ты убедишься: в светлое время суток большинство людей заняты работой. На свидания они ходят поздно вечером. Это значит, что встречаться с парнями ты сможешь точно так же, как и другие девушки, – и в ближайшем будущем, и когда совсем повзрослеешь. Уверяю тебя, милая!

К тому же ты, по-моему, бежишь впереди паровоза, заранее огорчаясь из-за того, что мальчик, который тебе понравился (и в котором ты видишь столько достоинств!), отвергнет тебя из-за обстоятельств, от тебя не зависящих. Да, ты не можешь разгуливать по улицам днем. Но он-то может выходить из дому после наступления темноты! Так отправляйся туда, где ты можешь его встретить, и дай ему возможность доказать тебе, что ты заблуждалась. Заговори с ним. Посмотри, к чему это приведет. Веди себя естественно, будь спокойна и собранна. Пусть попробует тебя удивить.

Пожалуйста, подумай над моими словами. То, что я тебе предлагаю, непросто, но очень важно. Не позволяй болезни (которая ни в коем случае не определяет тебя как личность) вставать на пути твоих желаний, даже самых смелых! Постарайся развить в себе веру в собственные силы и в людей. В то, что мы способны любить и прощать друг друга, несмотря ни на какие проблемы.

Итак, попробуй подружиться с тем мальчиком. Вообще, пробуй в этой жизни все, что хочешь. Надеюсь, ты получишь то, о чем мечтаешь, и даже больше.

С любовью,

Гэбби

Я получила на свой вопрос обстоятельный разумный ответ, но сосредоточиться на нем не могу. Меня переполняет чувство неловкости, оттого что я выставила себя на всеобщее обозрение. Только бы это не прочитала Зои Кармайкл со своими подружками! А то теперь они начнут мучить меня еще сильнее.

– Насчет веры в себя и в других и про способность любить и прощать, несмотря ни на что, хорошо сказано, правда? – говорит Морган, когда я возвращаю ей телефон. – Я чуть не прослезилась, а ты знаешь, как нелегко меня до этого довести.

– Прикольное сравнение с сэндвичем. – Я слегка улыбаюсь, ведь Гэбби такая классная: все просекает и дает правдивый ответ, даже если тебе это может не совсем понравиться. – Но по-прежнему утверждаю: я ей не писала.

Морган выразительно закатывает глаза:

– Ну конечно… Что касается Чарли, то от тебя действительно не убудет, если ты еще раз с ним поговоришь. Положи в коробку какую-нибудь прикольную мягкую игрушку, сфотографируй и пошли ему. Мол, теперь похороны позади и ты готова к общению! Ну, или что-то в этом роде…

Я качаю головой:

– Не вариант!

– Но он же был такой милый! Ему понравился твой голос, понравилась твоя песня. И ты сама.

Подумав, я понимаю, что Морган не так уж и не права. Чарли действительно держался очень приветливо, несмотря на мою неловкость. Слушал песню и, похоже, в самом деле ее оценил. Даже когда я, чтобы от него отделаться, начала нести всякий бред, у него не пропало желание со мной пообщаться. «Он идеален. Не стоит ему связываться со мной и с моими проблемами», – быстро заключаю я, а вслух говорю:

– Чарли Рид и я? Нет, не судьба!

Морган встает с кровати, хватает мою гитару и передает ее мне:

– Чем препираться со мной, лучше знаешь что сделай? Напиши песню про вчерашний вечер! Тейлор Свифт всегда так поступает: выставит себя дурой перед парнем, а потом выдает новый хит!

Может, и в самом деле нет худа без добра. Неудача в любви – мощный источник вдохновения.

– Ну, слушай, – говорю я. Беру гитару и начинаю импровизировать: – Я ненормальная, не знаю почему… Слабо` мне было поглядеть в глаза ему… Казалось, что вот-вот стошнит меня. С такой, как я, никто не выдержит и дня…

– Хм… На твоем месте я бы поработала над этим еще.

Я встаю и открываю гитарный футляр. У меня зреет идея: напишу-ка я песню в стиле кантри под названием «Мой мертвый кот приглашает вас на свои похороны» и посвящу Чарли Риду. Он услышит ее в эфире, рассмеется, решит, что моя неловкость очаровательна, и мы начнем все сначала… Стоп. Моего блокнота, куда я записываю тексты, нет на месте.

– Господи! Блокнот! – охаю я, и сердце начинает стучать в режиме паники. – Неужели я на станции его оставила?! Там ведь все мои песни до единой! Может, ты сходишь его поискать?

– Я бы с радостью, но у меня скончался попугайчик, и теперь я должна его оплакивать, – шутит Морган.

Я хлопаю ее по коленке:

– Ну я же серьезно! Пожалуйста!

Она смеется:

– Да поищу, поищу. Сегодня же после обеда.

Морган уходит, а я снова погружаюсь в печальные мысли о том, что могло бы случиться, да не случилось. Чертов Чарли Рид! Если бы ты меня разочаровал, мне было бы плевать, какое впечатление я на тебя вчера произвела. Но ты, к несчастью, оказался еще лучше, чем я себе представляла.

Глава 5

Этот день преподносит мне еще два сюрприза. Сначала я замечаю, как мой отец тайком пробирается в дом, после того как без меня побывал у моего врача. Такое происходит уже не в первый раз.

– Папа! – кричу я и, протирая глаза, сажусь на кровати.

Меня разбудил скрип половиц, когда отец крадучись шел мимо моей двери. На часах шесть вечера. Прием был назначен на четыре. Предполагалось, что мы пойдем туда вместе. Черт возьми!

– Ты выключил мой будильник?

– Признаю себя виновным, – отвечает папа, понурив голову. – Ты так мирно спала, и я подумал, что вчерашняя ночная прогулка тебя переутомила. Вот я и принял руководящее решение: дать тебе отоспаться.

– Ты просто не хочешь выводить меня днем из дому, хотя мы оба знаем, какие меры предосторожности нужно принимать. – Я укоризненно смотрю на отца, вздернув бровь. – Не говоря уж о том, что ты терпеть не можешь, когда доктор

Флеминг беседует со мной начистоту.

Папа беспомощно пожимает плечами:

– Она такая пессимистка! Зачем тебе слушать ее безрадостные рассуждения? Особенно сейчас. Ведь у тебя в жизни все так хорошо складывается…

Я хлопаю по кровати рядом с собой. Пару секунд отец стоит, молча глядя на меня, потом нехотя садится. Он напоминает ребенка, которого поймали за кражей печенья из банки.

– Так что она сказала? – требовательно произношу я.

– Да ничего. Спрашивала, нет ли у тебя проблем с моторной функцией и не выходила ли ты на солнце. Я, разумеется, ответил, что нет.

Я протягиваю ему раскрытую ладонь, как бы говоря: «Знаю, это не все. Выкладывай».

– А как насчет исследования в Вашингтонском университете?

По папиному лицу расползается широкая улыбка:

– Дело продвигается! Результат может появиться в любой момент!

Я понимаю, что это значит. Такое бывало уже не раз. Институт не осаждают толпы желающих спонсировать исследования, направленные на борьбу с болезнью, которая поражает одного человека из миллиона. Сейчас разрабатывается новое лекарство, но деньги уже наверняка закончились. То есть испытания вряд ли перейдут во вторую фазу – ту, в которой могла бы участвовать я. Если средства найдутся и проект не свернут, это будет чудом. Но еще большее чудо произойдет, если меня выберут и пригласят. Тяжело жить с заболеванием, до которого никому нет дела. Даже кричать хочется. Но если борьба с болезнью ведется, а я не могу внести свою лепту, это делает мою жизнь еще более бессмысленной. Все бессмысленно. Заколдованный круг.

– Не волнуйся, я не особенно жду результата, – успокаиваю я папу. – Доктор Флеминг наверняка напомнила тебе о том, что любая доза ультрафиолета может меня убить и что такие детки, как я, редко живут дольше двадцати лет?

Улыбка сходит с папиного лица.

– Нет, конечно! А если бы она и сказала что-нибудь в этом роде, я бы слушать не стал. Кэти, у тебя не только болезнь, которая поражает одного из миллиона, – ты и сама одна на миллион. Никакая статистика к тебе отношения не имеет. Мы справимся. Вместе.

– Справимся, – говорю я.

Ужасно, что в лечении ПК ничего не меняется. Нет даже проблеска надежды. Никаких новых лекарств. Тебе твердят одно и то же: «Держитесь подальше от солнечных лучей, пока болезнь вас не доконает». Я заложница своего дурацкого генетического кода.

– Кэти, обещай мне не сдаваться, – произносит папа дрогнувшим голосом.

Я поднимаю глаза и вижу, с каким трудом он сохраняет самообладание. А мне бы хотелось поговорить о том, сколько мне осталось по статистике и чего я могу достичь за это время. По-моему, стоило бы сосредоточиться на качестве жизни, раз уж количество, то есть продолжительность, от нас с папой не зависит. Но папа, видимо, не готов к такому разговору.

Я тоже рада бы об этом не думать. О дате окончания моего срока годности. О том, каково это – умирать. И все-таки иногда я думаю. Темной-темной ночью, когда все, кроме меня, давно спят. Неужели после смерти меня ждут такая же темнота и такое же одиночество? Очень надеюсь, что нет. Это было бы слишком жестоко по отношению ко мне – заставить меня жить прежней жизнью, только в вечности.

Через силу улыбнувшись, я заявляю:

– Ты знаешь, что я не сдамся. Мы же борцы. Никуда я от тебя не денусь.

Отец пытается ответить на мою улыбку, но лицо у него по-прежнему бледное.

– Да ладно тебе, – прибавляю я. – Мое общество тебе еще надоест, ты не сможешь от меня избавиться.

– Хорошо. Потому что этого я, наверное, не переживу.

В папином ответе прозвучала та честность, которой я ждала. И мне, и ему она причинила нестерпимую душевную боль.

Пока я борюсь с собой, чтобы не разрыдаться, приходит эсэмэска от Морган: «Блокнот у меня, но надо бежать на работу. Оставила в кассе». Я вздыхаю. Как это похоже на мою подругу – не довести дело до конца! По моей теории, пока не подтвержденной, у нее запущенный синдром дефицита внимания при гиперактивности. Эта девчонка никогда не сидит на месте (плюхнется на стул перед моим рабочим столом – и крутится, и крутится), тем не менее умудряется везде опаздывать. Сама Морган со мной категорически не согласна. Говорит, что она просто суперэнергична и пытается провернуть за день целую кучу дел, а сутки слишком коротки. Мы давно бросили спорить об этом, поскольку понимаем, что к единому мнению все равно не придем.

А вообще я довольна: тексты всех песен, которые я написала за свою жизнь, не потеряны. И как бы я ни ворчала из-за того, что придется опять топать на станцию, в этом тоже есть свой плюс. Мне не помешает прогуляться, проветрить голову. Свежий воздух лечит почти все. Он прогонит мысли о том, какое горе переживает из-за меня отец, и о том, как я облажалась при встрече с парнем своей мечты.

Я надеваю джемпер с эмблемой уже не существующего баскетбольного клуба «Сиэтл суперсоникс», фанатом которого папа когда-то был, натягиваю старенькие джинсы и зашнуровываю черные кеды. Спускаюсь. Папа одновременно работает за ноутбуком (должно быть, проставляет оценки за последнее задание, которое дал своим ученикам), смотрит по телевизору бейсбольный матч, покрикивает на игроков и уплетает сэндвич с трехдюймовым слоем мяса.

– Можно, я схожу на станцию за своим блокнотом? Забыла его там вчера. Он у Фреда.

Папа так увлечен своим сэндвичем, что едва поворачивает голову в мою сторону.

– Как придешь туда, напиши. Будь осторожна. Сразу возвращайся. Люблю тебя, – шепелявит он, не переставая жевать ветчину с сыром.

Для него это характерно: ненадолго, туда и обратно, он отпускает меня не моргнув глазом, но не находит себе места, если я отсутствую чуть дольше и получаю шанс хотя бы немного пожить той жизнью, которой живут нормальные подростки.

– А я люблю тебя еще больше, – говорю я.

Он проглатывает здоровенный кусок и, прежде чем откусить от сэндвича в очередной раз, изрекает:

– Это невозможно.

Я ухожу. В голове быстро мелькает: «Где сейчас Чарли? Что делает? С кем?» После этого я опять начинаю мысленно пилить себя за бред про кошачьи похороны. Не важно, что делает Чарли, где и с кем находится. Я с ним в ближайшее время точно не пересекусь.

Поднявшись по ступеням на платформу, я направляюсь к билетной кассе. Фреда в конторе нет. Может, он оставил блокнот на скамейке напротив облюбованного мной места? Я заглядываю за угол: действительно, блокнот на лавке. Но не просто на лавке, а в руках Чарли Рида, который на ней сидит. Он перелистывает страницы так, будто просматривает старый номер какого-нибудь дрянного таблоида.

Даже не знаю, по какой причине сильнее расстраиваться: оттого, что при прошлой встрече с парнем наболтала глупостей, или потому, что сейчас он копается в моих самых сокровенных мыслях и переживаниях. Никогда еще я не чувствовала себя настолько униженной. Как бы заполучить блокнот обратно так, чтобы Чарли меня не увидел? Вот только решу эту задачку – и домой.

Я прячусь за стеной, звоню Морган на работу и, как только она берет трубку, шепчу:

– На помощь!

– Кафе-мороженое! Здравствуйте! – весело откликается Морган. – Как проходит второе свидание с Чарли?

От удивления я разеваю рот:

– Что-о? Откуда ты знаешь, что он здесь?

– Я отдала Чарли твой блокнот на хранение, – отвечает она так, будто сделала нечто само собой разумеющееся.

Я ударяю себя ладонью по лбу:

– Морган, я тебя убью! Как ты могла так со мной обойтись? На мне старый отцовский джемпер, и я даже не причесалась!

В ответ моя подруга смеется:

– Кэти, не знаю, как объяснить, но я, хотя тебя сейчас не вижу, точно знаю: ты суперсекси!

– Если б ты меня видела, ты бы так не говорила, – шиплю я.

– Кэти, повиси секунду, – бросает Морган, а потом я слышу ее крик: – Я по телефону разговариваю! Не видишь?!

Надеюсь, она не на покупателя наорала. Для того чтобы поехать в колледж, ей нужны деньги, и увольнение было бы некстати. Найти другую работу будет непросто: во-первых, вакансий – раз-два и обчелся, во-вторых, городок маленький и все быстро узнают о том, что с прежнего места человек ушел не по собственному желанию.

– Это ведь не покупатель был? – спрашиваю я, когда Морган опять берет трубку.

– Он самый. Сначала. А потом еще Гарвер – этот зануда, с которым я работаю. Задает мне миллион вопросов за смену: «Что ты любишь делать в свободное время, Морган? Какое мороженое тебе больше нравится, Морган? Есть ли у тебя братья или сестры, Морган? Какая твоя любимая телепередача, Морган?» Лепечет без умолку, как двухлетний.

– Вообще-то, это называется «человек проявляет к тебе интерес». Он пытается завязать с тобой разговор. Что тут такого?

Морган почему-то терпеть не может, когда парни интересуются ею. Она предпочитает «плохих мальчиков», которые говорят только о себе.

– Плевать, как это называется. Меня его вопросы раздражают, и все. А насчет Чарли… Кэти, будь собой. По-моему, он душка. И ты ему нравишься, вот уж точно. Просто пообещай, что постараешься не нести околесицу.

Теперь у меня нет выбора: придется заговорить с Чарли, если я хочу получить обратно свой блокнот.

– А ты постарайся не рявкать на этого твоего Гарвера, – вздыхаю я. – Жалко беднягу.

– Вот уж нет! – фыркает Морган. – Жду твоего звонка.

Прежде чем я успеваю ответить, она бросает трубку. Делать нечего. Набрав в легкие побольше воздуху, я направляюсь к Чарли. Когда я подхожу совсем близко, он поднимает голову и вознаграждает меня самой открытой и приветливой из всех улыбок, какие я видела в своей жизни. Губы у него идеальные: не слишком пухлые и не слишком тонкие. Они, наверное, никогда не обветриваются и не трескаются. Зубы ровные, белые. Глаза такие теплые и дружелюбные, что мне кажется, будто я тону в океане доброты. Минуту назад я злилась на Чарли за вторжение в мое личное пространство, но теперь совершенно об этом забыла.

– Так ты настоящая! – восклицает он. – А я думал, ты мне приснилась или что-то вроде того…

– Ты был в фазе быстрого сна?

Он смотрит на меня, не зная, как реагировать на дурацкую шутку. Я пытаюсь поправить положение:

– Забей. Конечно, ты не спал, я это и хотела сказать. Мы ведь разговаривали. А быстрый сон – это такая фаза, во время которой возникают сновидения. Активность мозга высокая, и глаза под веками постоянно бегают. Очень странно. Похоже на пишущую машинку…

Я резко замолкаю, понимая, что меня опять понесло. Чарли усмехается. Но не зло, а как-то мило. Весело.

– Спасибо, что нашел мой блокнот, – говорю я, протягивая руку.

Но он не торопится выпускать свою добычу.

– Я до сих пор не знаю, как тебя зовут.

– Кэти.

Видимо, это был пароль. Теперь Чарли передает мне блокнот. Я перелистываю странички, проверяя, все ли в порядке. Вроде бы да. Тем не менее спрашиваю:

– Ты ведь не читал?

– Разве что немножко… – признается Чарли.

Я опять в ужасе и ярости. Может, в школе девчонки все ему спускают с рук, потому что он красавчик, но со мной этот номер не пройдет.

– Надеюсь, ты пошутил.

– Почему? – Чарли широко раскрывает глаза, как будто действительно не понимает.

– Нельзя читать чужие записи! – говорю я, размахивая блокнотом. – Это что-то вроде дневника. Думаешь, если ты красивый, тебе можно совать нос в чужую личную жизнь? Улыбнулся – и все? Такой у тебя приемчик?

На лице Чарли снова появляется обворожительная усмешка:

– Ты считаешь меня красивым?

Я вспыхиваю от стыда. Щеки и уши горят. Не хватало еще вспотеть. Остается надеяться, что в темноте все это не очень заметно. Чарли поднимает руки:

– Послушай, мое вмешательство в твою личную жизнь было минимальным и необходимым. Я просто хотел узнать, кому этот блокнот принадлежит, а ты очень быстро убежала…

Я молчу. Так легко Чарли не отделается.

– Мне нравится, что ты пишешь от руки, – прибавляет он мягко. – Это так старомодно. И прикольно.

Тут я снова по уши в него влюбляюсь и ничего не могу с этим поделать. Маленькая обида – ерунда по сравнению с тем, как сильно он мне нравится. Я начинаю улыбаться:

– Спасибо. За то, что нашел блокнот.

А вдруг Морган и Гэбби были правы? Может, действительно стоит дать шанс Чарли и другим моим сверстникам? Пусть удивят меня! Вероятно, все не так уж и безнадежно? Сегодняшняя встреча, по крайней мере, прошла более или менее гладко. Довольная тем, что на этот раз сумела разрулить ситуацию без вранья про кошачьи похороны, я собираюсь уйти.

– Еще один кот скончался? – кричит Чарли мне вслед.

Я оборачиваюсь и смеюсь:

– Нет, просто иду домой.

– Можно тебя проводить?

– Думаю, да.

У меня голова кружится от счастья, но я не собираюсь это демонстрировать. Что-то подсказывает мне: Чарли Риду никогда не приходилось лезть из кожи вон, чтобы привлечь внимание девушки. Пускай увидит, что я не такая, как все. И дело не в моей ПК. Просто я – это я.

– Пошли, – бросаю я через плечо.

Мы не спеша шагаем прямо по дороге и разговариваем. Машин нет, можно не опасаться. Кругом все тихо, и эхо наших шагов отражается от спящих домов, мимо которых мы идем. Мне хорошо. Спокойно.

Когда я говорю, что была на домашнем обучении, Чарли переспрашивает:

– На домашнем обучении? Клево!

Я вспомнила те ночи, когда папа гонял меня по Периодической системе, созвездиям или латинским глаголам. Чарли до смешного неправильно представляет себе, каково это – учиться дома.

– Ничего не клево. Совсем наоборот. Мой отец излишне меня опекает, – прибавляю я, хотя это и кажется мне очевидным.

Чарли смотрит по сторонам, потом вверх, потом снова на меня и говорит:

– Он сейчас за нами, случайно, не наблюдает?

– А как же! Наверняка где-то тут кружит беспилотник.

Чарли хохочет. Я тоже смеюсь – не оттого, что в восторге от собственной шутки, а потому, что смогла его рассмешить. Кто бы мог подумать?! Еще двадцать четыре часа назад я была на дне глубокой ямы, а сейчас поднялась так высоко!

– Ну и… может, выскажешь свое мнение?

– О твоем папе с беспилотником? Пожалуй, это перебор. А ты как считаешь?

Я опять начинаю смеяться:

– Да нет! Я про песни, которые ты прочел без моего разрешения.

Чарли пожимает плечами:

– Даже не знаю. Читать песни я не умею. По-моему, их надо слушать.

Я останавливаюсь. Мы почти у дома. Готова поспорить, что отец сейчас стоит в гостиной и смотрит то в приложение, при помощи которого он отслеживает местонахождение моего айфона, то в окно и ждет, когда я войду. А мне меньше всего хочется объяснять ему, кто такой Чарли и почему мы шли вместе.

– Ты здесь живешь?

– Нет, вон там, повыше. – Показываю вглубь квартала. – Папа чутко спит, а я не хотела бы его будить.

Чарли внимательно смотрит на мое жилище.

– Странно, что мы до сих пор не пересекались. Я ездил мимо твоего дома на скейте. На тренировки.

– На тренировки? – переспрашиваю я, хотя, конечно же, знаю, о каких тренировках речь.

Разве я могу не знать? Он каждый день проезжал у меня под окнами с доской для плавания и прочей плавательной всячиной под мышкой, а на рюкзаке красовалась эмблема команды. Да еще местная газета чуть ли не еженедельно писала о том, как Чарли установил на сборах очередной рекорд.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Не за что (исп.). – Здесь и далее примеч. перев.

Купить: https://tellnovel.com/kuk_trish/polnochnoe-solnce

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити